

An oil painting depicting a romantic scene between an angel and a man. The angel, on the left, has large, white, feathered wings and is dressed in a long, flowing white gown with delicate lace detailing at the collar and waist. She holds a small white cup. The man, on the right, is dressed in a dark, long coat and is leaning over, holding a quill pen and writing on a small card or letter. They are standing on a balcony with an ornate wrought-iron railing. In the background, a stone bridge with arches spans a river, and a city with domes and spires is visible in the distance, all framed by trees with vibrant autumn foliage in shades of orange and yellow. The overall mood is intimate and timeless.

Дыхание ангела

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев
Дыхание ангела

«Автор»

2026

Патрушев С.

Дыхание ангела / С. Патрушев — «Автор», 2026

Марк - талантливый художник, утративший способность рисовать и вкус к жизни. В отчаянный момент на мосту его удерживает неведомая сила. Серафима - ангел-хранитель, нарушившая главный закон: она вложила частицу себя в его спасение, теперь они связаны между собой. Парень начинает её видеть, ангел учится чувствовать вкус чая, узнаёт о физическом прикосновении, но чем сильнее формируется их любовь, тем выше цена, в итоге он теряет человечность, она крылья. Архивариусы, безликие стражи порядка, дают месяц, чтобы спасти её. Марк должен забыть всё, стереть свою память, чтобы она стала смертной, ведь девушка должна умереть, как ангел.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серый кардинал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Дыхание ангела

Глава 1. Серый кардинал

Будильник прозвенел в седьмой раз, и Марк наконец разлепил веки — тяжёлые, будто налитые свинцом, они не хотели подчиняться, словно сама плоть противилась наступлению нового дня. Цифры на экране телефона складывались в привычную, почти издевательскую гримасу: 9:47. Он мог бы позволить себе спать до полудня, мог бы вообще не заводить будильник — фриланс располагал к этому со всей своей обманчивой свободой, — но это «мог бы» давно и незаметно мутировало в «вынужден». Заказы таяли стремительнее, чем мартовский снег на прогретом весенним солнцем асфальте, а вместе с ними испарялась и сама необходимость куда-то спешить, кому-то звонить, что-то решать. Жизнь сузилась до размеров квартиры, и в этой квартире не осталось ни одного угла, который не был бы пропитан его собственной апатией.

Он лежал неподвижно, раскинув руки, и смотрел в потолок. Этот потолок он изучил до последней трещины, до малейшего изъяна штукатурки, до каждой тени, которую отбрасывала люстра в утренние часы. Вон та трещина, самая длинная, извилистая, похожая на русло пересохшей реки на старых картах, появилась прошлой осенью. Марк помнил это с дурацкой, болезненной отчётливостью, словно трещина была не дефектом строителей, а официальным документом, скреплённым печатью и зафиксировавшим точную дату крушения. В тот вечер, когда ушла Лера, он вернулся в спальню после того, как захлопнулась входная дверь, лёг на кровать и увидел эту трещину впервые. Раньше её не было. Или была, но он не замечал — как не замечал многого другого.

Лера собирала вещи молча. Ни криков, ни скандалов, ни битья посуды — только деловитое шуршание пакетов и методичное позвякивание вешалок в шкафу. Она укладывала свою жизнь в три больших полиэтиленовых мешка, и со стороны это напоминало переезд, а не разрыв. Марк стоял в дверном проёме и смотрел, не делая попыток остановить её. Не потому, что не хотел, — он и сам не понимал, хочет или нет. Скорее, в нём не осталось сил на сопротивление. Вся энергия уходила на то, чтобы просто дышать, просто держать глаза открытыми, просто существовать от утра до вечера. А она, видимо, устала ждать, когда он снова станет прежним.

— Ты даже не замечаешь, что я здесь, — сказала она, завязывая последний узел. Голос звучал ровно, без надрыва, и от этого было только больнее. — Ты вообще ничего не замечаешь. Ни меня, ни себя, ни эту чёртову жизнь, которая проходит мимо. Я так больше не могу.

Ключи легли на тумбочку в прихожей с глухим стуком. Дверь закрылась почти бесшумно — Лера всегда была деликатной, даже уходя. Марк подошёл к окну и увидел, как она ловит такси, придерживая воротник пальто свободной рукой. Шёл дождь, мелкий и противный, октябрьский дождь, который пронизывает до костей. Машина подъехала через минуту, Лера села и даже не обернулась. Он стоял и смотрел, пока красные габаритные огни не растворились в пелене дождя, и чувствовал странный коктейль из облегчения и ужаса. Облегчение — потому что больше не нужно притворяться живым, не нужно выдавливать из себя эмоции, которых нет, не нужно играть роль нормального парня. Ужас — потому что теперь он оставался с самим собой один на один, а это была самая страшная компания из всех возможных.

С тех пор прошло восемь месяцев. Двести сорок три дня, если считать точно. Марк не считал специально, но календарь в телефоне услужливо подсказывал, стоит только открыть приложение. Двести сорок три дня, которые слились в один бесконечный, монотонный гул, прерываемый только короткими всплесками самобичевания и ещё более короткими попытками что-то изменить.

Кухня встретила его запахом застоявшейся воды из-под крана и вчерашней пиццы. Этот запах стал таким привычным, что Марк уже почти не замечал его — как курильщик не замечает запаха табака, ввевшегося в одежду. Коробка сиротливо белела на столе, из неё торчал недоёденный кусок, покрывшийся за ночь неаппетитной испариной. Сыр застыл жёлтыми наплывами, колбаса съёжилась и потемнела. Марк механически сунул кусок в микроволновку, даже не удосужившись переложить на тарелку. Зачем пачкать лишнюю посуду? Кому это нужно? Уж точно не ему. Он стоял, прислонившись к столешнице, и слушал, как гудит микроволновка. Её гул сливался с шумом старого холодильника в единую монотонную симфонию — белый шум, под который так удобно не думать. Не чувствовать. Не вспоминать.

Кофе. Чёрный, без сахара, покрепче — чтобы обжечь горло, чтобы хоть что-то почувствовать. Это был единственный ритуал, который ещё имел значение. Единственное действие за день, которое он выполнял осознанно, а не на автопилоте. Марк молот зёрна вручную, в старой медной турке, доставшейся от деда. Эта турка была, пожалуй, единственной вещью в квартире, к которой он испытывал что-то похожее на привязанность. Дед, сухощавый старик с вечно испачканными акварелью пальцами, учил его варить кофе, когда Марку было лет десять. «Кофе, Марк, — говорил он, помешивая гушу, — это не напиток. Это медитация. Это способ остановить время хотя бы на пять минут». Дед умер семь лет назад, а турка осталась. И теперь каждое утро Марк держал её в руках и думал о том, что дед, наверное, расстроился бы, увидев, во что превратилась жизнь внука.

Он подошёл к окну с кружкой в руке. Горячий фарфор обжигал ладони, и это было приятно — простое физическое ощущение, напоминание о том, что тело ещё живо. Вид из четырнадцатого этажа открывался на парк и кусок серой ленты реки за ним. Парк был старый, с раскидистыми липами и дубами, посаженными, наверное, ещё в пятидесятых. Летом здесь было зелено и тенисто, гуляли мамы с колясками и пенсионеры с палочками для скандинавской ходьбы. Осенью парк превращался в буйство красного и золотого. Но сейчас, в этом странном межсезонье, когда листья уже облетели, а снег ещё не выпал, он выглядел уныло и сиротливо. Голые ветки царапали низкое серое небо, как вены на запястьях. Река за парком казалась неподвижной, свинцовой, мёртвой.

Город внизу жил своей жизнью. Ползли трамваи, спешили люди, лаяли собаки на выгуле, где-то далеко сигналила машина, и этот звук, многократно отражённый стенами домов, долетал до четырнадцатого этажа приглушённым эхом. Марк смотрел на всё это с чувством глубочайшей, почти космической отстранённости, словно наблюдал за жизнью аквариума через толстое стекло. Рыбки суетятся, раскрывают рты, гоняются друг за другом, а ты снаружи. И тебе туда не надо. И тебя туда не звали. И самое странное — тебе туда и не хочется.

Когда-то этот вид вдохновлял. Он купил квартиру именно из-за него — три с половиной года назад, когда всё шло в гору и казалось, что так будет всегда. Заказы от солидных архитектурных бюро, очередь из клиентов, собственная небольшая, но гордая студия с двумя помощниками. Марк делал визуализации, от которых у заказчиков перехватывало дыхание — в бук-

вальном смысле, он видел это по их лицам на презентациях. Он не просто рисовал дома; он создавал миры, вдыхал жизнь в бетон и стекло. В его работах всегда было больше, чем требовало техническое задание: особый свет, падающий под немыслимым, но таким естественным углом; неожиданный ракурс, который превращал бездушную коробку в живое пространство; деталь — блик на воде в бассейне, тень от дерева на террасе, отражение облака в панорамном окне, — которая делала изображение неотразимым. Коллеги говорили с завистью и восхищением: «У тебя глаз Бога, Марк. Ты видишь то, чего не видят другие». Клиенты платили, не торгуясь, и рекомендовали его знакомым, и знакомые знакомых. Казалось, что он поймал волну и теперь будет скользить по ней вечно.

А потом что-то сломалось.

Не в один день, нет. Это было медленное, незаметное сползание вниз, как эрозия почвы. Сначала пропал азарт — тот самый щенячий восторг, с которым он когда-то открывал новый проект и предвкушал, как будет искать решение, как будет играть со светом и тенью. Потом начало казаться, что он повторяется, что все его работы — это вариации одного и того же, что он не творец, а ремесленник, штампующий красивые картинки по готовым лекалам. А потом каждая новая задача стала вызывать не интерес, не предвкушение, а глухое, тошнотворное раздражение, смешанное с ужасом. Он открывал файл, смотрел на чистый лист в графическом редакторе — эту идеальную, девственную белизну, которая когда-то манила его обещанием чуда, — и не чувствовал ничего. Вообще. Абсолютный ноль. Белый шум в голове и свинцовая, неподъёмная тяжесть в пальцах, которые отказывались двигаться.

— У тебя выгорание, — сказал знакомый психолог на единственном сеансе, куда Марк сходил из чувства долга перед самим собой и перед мамой, которая умоляла его «что-то сделать». — Клиническое, Марк. Это не просто усталость, это болезнь. Тебе нужен отдых, полная смена обстановки, возможно, медикаментозная поддержка. Ты сгорел дотла и пытаешься работать на пепле.

Он отдыхал. Месяц, два, три, четыре. Сбережения таяли с пугающей скоростью, заказы отменялись один за другим — клиенты не любят ждать, у них свои сроки и свои горящие дедлайны, — постоянные заказчики сначала звонили, потом писали, потом перестали. Смена обстановки свелась к перемещению из спальни в кухню и обратно, да к редким вылазкам в супермаркет за пищей и кофе. Выгорание никуда не делось — оно пустило корни глубоко в его существо, проросло в каждую комнату, обвилось лёгкие, поселилось в костях. Оно стало его образом жизни, его личностью. Марк больше не боролся с ним. Он смирился.

Микроволновка пискнула, возвращая его к реальности. Марк вытащил горячий кусок пиццы, обжёг пальцы о расплавленный сыр, выругался сквозь зубы — первое проявление эмоций за утро. Сел за стол, но есть не стал. Просто сидел и смотрел, как плавится сыр, стекая жёлтыми маслянистыми каплями на картон, как съёживается колбаса, как подгоревшая корочка теста темнеет по краям. Аппетита не было. Его не было уже давно — Марк ел не потому, что хотел, а потому, что организм требовал топлива. Еда стала чистой механикой, лишённой вкуса и удовольствия. Он мог съесть деликатес из ресторана или вчерашнюю пиццу — разницы не чувствовал.

Телефон завибрировал, подпрыгнув на столе. Сообщение от Паши, бывшего коллеги и, наверное, единственного человека, который всё ещё пытался достучаться: «Марк, привет! Есть небольшой заказ, коттедж в Подмоскowie, клиент адекватный, не капризный. Возьмёшься?»

Сроки горят, конечно, но оплата достойная, я поторговался за тебя». Марк прочитал сообщение дважды, потом трижды. Паша писал раз в месяц, как заведённый, уже полгода. Видимо, чувствовал ответственность за старого друга, или просто жалел, или дал кому-то обещание не бросать его. А может, надеялся, что однажды Марк ответит согласием и всё волшебным образом вернётся на круги своя — как будто этих восьми месяцев не было.

Палец завис над клавиатурой. «Привет, Паш. Спасибо, но я пока не в форме» — он начал набирать и стёр. «Привет! Звучит отлично, скинь ТЗ, я гляну» — написал и тут же удалил, потому что это была ложь. Врать не хотелось. Признаваться в собственной немощи — тем более. Признаться означало бы назвать вещи своими именами, а к этому Марк был не готов. Он просто отложил телефон экраном вниз, чтобы не видеть новых сообщений, и сунул в рот безвкусный кусок теста, который пришлось жевать долго и мучительно, как резину.

После обеда — если можно назвать обедом холодную пиццу в одиннадцать утра — Марк заставил себя выйти на улицу. Это была ежедневная пытка, которую он назначил себе сам три месяца назад, прочитав где-то в интернете, что получасовая прогулка в день помогает при депрессии. Полчаса превратились в час, депрессия не прошла, но ритуал остался. Чтобы мышцы помнили, как держать тело вертикально. Чтобы видеть солнце хотя бы краем глаза. Чтобы совсем не одичать в этих четырёх стенах, которые пропитались его тоской, как губка пропитывается водой.

Сентябрьский воздух пах прелой листвой и приближающимся дождём. Этот запах — влажный, землистый, с примесью автомобильных выхлопов и речной сырости — был почти приятным. Почти. Небо затянуло ровным серым полотном, без единого просвета, без намёка на солнце. Оно висело низко, давило на плечи, обещало скорый дождь. Марк шёл по набережной, сунув руки глубоко в карманы старой джинсовой куртки — слишком лёгкой для такой погоды, но другой у него не было, — и старался ни о чём не думать. Это была его новая философия, выработанная за восемь месяцев одиночества: не ждать, не надеяться, не вспоминать. Просто плыть по течению, как та сломанная ветка, что покачивалась на тёмной воде у парапета. Ветка, оторванная от дерева, никому не нужная, влекомая течением неизвестно куда.

Река в этом месте была широкая и на удивление спокойная. Течение почти не ощущалось — вода стояла тёмная, маслянистая, поблёскивающая под серым небом тусклым свинцовым блеском. Она отражала небо, но искажала его, делала ещё мрачнее, ещё безнадежнее. Глубина начиналась сразу у берега, резко, без плавного перехода — Марк знал это, потому что когда-то, ещё подростком, нырял здесь на спор с друзьями. Тогда река казалась ему живой, дружелюбной, полной тайн и обещаний. Они прыгали с этого самого парапета в горячие июльские дни, с хохотом уходили под воду с головой, а потом выныривали, фыркая и отплёвываясь, и плыли наперегонки к другому берегу. Вода пахла водорослями и рыбой, солнце дробилось на поверхности миллионом осколков, и жизнь была бесконечной.

Теперь он смотрел на реку и видел только черноту. Холодную, манящую, абсолютную черноту, которая обещала покой. Не временный, не иллюзорный, а настоящий, вечный покой. Покой, в котором больше не будет этих бессмысленных утр, этих пустых дней, этой ноющей боли где-то под ложечкой, которая не проходила ни после сна, ни после кофе, ни после долгих прогулок.

Он остановился. Прислонился плечом к чугунной решётке ограждения. Металл был ледяным, влажным от висящей в воздухе мороси. Пальцы сами собой сжали холодные прутья — крепко, до побеления костяшек.

Мысль пришла не впервые. Она вообще давно крутилась на периферии сознания, как назойливая муха, которую лень прихлопнуть. Она появлялась в самые неожиданные моменты: когда он чистил зубы, когда ждал лифт, когда смотрел в потолок перед сном. Просто выход. Просто способ выключить этот бесконечный, изматывающий внутренний монолог, который не замолкал ни на секунду. Выключить голос, который постоянно спрашивал: «Почему ты такой? Что с тобой стало? Когда ты успел всё просрать?». Один шаг — и всё закончится. Никакой боли. Никакой пустоты. Никакого стыда перед Пашей, перед бывшими коллегами, перед родителями, перед Лерой, которая, наверное, уже нашла кого-то другого и живёт нормальной жизнью. Никаких больше ожиданий, которые он не может оправдать.

Тишина. Вечная, блаженная тишина. И холодная вода, которая примет его в свои объятия и утянет на дно, где нет ничего и никого.

Он представил лицо матери в тот момент, когда ей сообщат. Представил, как она будет плакать — не так, как плачут в кино, красиво и сдержанно, а по-настоящему, навзрыд, захлёбываясь слезами. Как отец, всегда такой сдержанный, молча сожмёт кулаки и выйдет на балкон, чтобы никто не видел его лица. Что-то внутри дёрнулось, сжалось в тугой узел, но почти сразу угасло. Им будет больно, да. Это неизбежно. Но они справятся. У них есть работа, друзья, дача с розами, в конце концов — они сильные, они пережили девяностые, пережили кризисы, переживут и это. А у него — только эта река.

Марк перелез через ограждение.

Движение вышло каким-то будничным, лишённым драматизма и пафоса. Он просто перекинул одну ногу через чугунный парапет, потом вторую, стараясь не поскользнуться на влажном металле. Теперь он стоял на узком бетонном выступе шириной сантиметров тридцать — техническом бортике, отделявшем тротуар от воды. Носки кроссовок свисали над чёрной, маслянистой гладью. Ветер усилился, растрепал немытые волосы, бросил в лицо несколько холодных капель — начинался тот самый дождь, который обещало небо с самого утра.

Сердце билось часто, но не от страха. Скорее от предвкушения. Или от выброса адреналина, который тело всё-таки производило, несмотря на общую апатию. Вот сейчас. Ещё немного. Один короткий шаг, даже не шаг — просто наклон вперёд, и гравитация сделает всё сама. Он даже не зажмурится — будет смотреть, как вода приближается к лицу, как смыкается над головой, как свет меркнет, уступая место тьме. Он хотел увидеть это. Хотел встретить конец с открытыми глазами.

И в этот самый момент, когда мышцы уже начали сокращаться для последнего, необратимого движения, что-то произошло.

Внезапный, невероятный, ураганный порыв ветра ударил его в спину с такой чудовищной силой, что Марк покачнулся. Не вперёд — назад. Словно гигантская невидимая ладонь, огромная и твёрдая, упёрлась ему между лопаток и толкнула — резко, властно, безжалостно, — заставляя отшатнуться от края. Он нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, инстинктивно попытался ухватиться за воздух, но пальцы сомкнулись на пустоте. Тело опро-

кинулось назад, перевалилось через парапет, и он рухнул обратно на тротуар, навзничь, больно приложившись локтем о чугунное литьё ограждения. В глазах вспыхнули белые искры, в ушах зазвенело.

В тот же миг раздался резкий, пронзительный окрик:
— Эй! Ты совсем охренел?! Жить надоело?!

Мимо, вильнув рулём и едва не задев его плечо колесом, пронёсся велосипедист. Ярко-жёлтая непромокаемая куртка, рюкзак с мигающим красным фонариком, возмущённое лицо, искажённое гримасой страха и злости. Он что-то ещё кричал, оборачиваясь на ходу, но ветер уносил слова, оставляя только интонацию — смесь испуга и праведного гнева. Марк проводил его взглядом, не в силах пошевелиться, и остался сидеть на холодном мокром асфальте, тяжело, прерывисто дыша, как загнанный зверь.

Локоть саднило — он рассадил его о шершавый чугун, и теперь по руке, кажется, текла кровь. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках. Марк поднял трясущуюся руку, посмотрел на неё — пальцы дрожали. Мелко, противно, как после литра крепкого кофе на пустой желудок. Или как после того, когда чудом избежал смерти.

— Чёрт, — прошептал он. Собственный голос прозвучал чужеродно, словно кто-то другой произнёс это слово его ртом. — Чёрт поberi.

Велосипедист уже скрылся за поворотом, только красный огонёк на рюкзаке ещё пару раз мигнул в серой дымке и исчез. Дождь усилился, застучал по асфальту, по плечам, по волосам — тяжёлые холодные капли, которые мгновенно пропитывали одежду. Марк поднялся на ноги с трудом, держась за ограждение, которое только что перелезал. Чугун был скользким от влаги, холодным и безразличным. Он посмотрел на реку, на то самое место, где секунду назад стоял, балансируя над бездной. Вода всё так же маслянисто блестела, всё так же равнодушно отражала небо.

Что это было? Порыв ветра? Но откуда, чёрт возьми? Синоптики обещали штиль, и деревья вдоль набережной стояли почти неподвижно — лишь слегка подрагивали голые ветки. Да и ветер, если уж на то пошло, дует с разных сторон, порывами, хаотично — но не бьёт прицельно в спину, как кулаком, с такой силой, будто кто-то невидимый и очень, очень могущественный специально толкнул его прочь от края. Это было не похоже на природное явление. Это было похоже на вмешательство.

Мистика? Нет. Глупости. Бред воспалённого сознания. Просто тело само испугалось в последний момент, включился древний, как мир, инстинкт самосохранения. Подсознание не хотело умирать — оно хотело жить, несмотря ни на что, — и сыграло с ним злую шутку, заставив мышцы сократиться в самый решающий миг. А «толчок» ему просто померещился. Иллюзия. Обман восприятия. Вот и всё рациональное объяснение.

Но была одна странность, которую рациональное объяснение не покрывало.

Марк чувствовал тепло. Оно разливалось в груди, под рёбрами, где-то в районе солнечного сплетения, — мягкое, обволакивающее, совершенно неуместное в этой ситуации. Тепло не изнутри — не то, что бывает от стыда, или от страха, или от внезапного выброса адреналина в кровь, — а словно извне. Словно кто-то невидимый стоял прямо за его спиной, вплотную,

почти касаясь грудью его лопаток, и делился собственным жаром. И дышал. Да, именно дышал — спокойно, размеренно, глубоко, в такт ударам его собственного сердца, которое всё ещё колотилось, но уже начинало замедляться. Это было чужое дыхание, но оно не пугало. Оно успокаивало.

Он резко оглянулся. Никого. Абсолютно никого. Пустая, серая набережная, уходящая в дождливую дымку; мокрые чёрные деревья, роняющие последние листья; лужи на асфальте, по которым барабанил дождь. Даже вездесущие собачники попрятались от непогоды. Ни души.

Марк стоял так, наверное, минуты три или четыре, хотя время в такие моменты течёт странно — оно может растягиваться, как резина, или сжиматься в точку. Просто стоял, прижимая ладонь к груди, и прислушивался к этому теплу. Оно не уходило, не слабело, не растворялось. Оно держалось, пульсировало, как второе сердце, поселившееся в его теле. И вместе с этим теплом пришло нечто давно и прочно забытое — ощущение, что он не один. Что кто-то смотрит на него. Не осуждающе, не с жалостью, не с тем холодным любопытством, с каким прохожие смотрят на пьяного, упавшего в лужу. А иначе. С заботой? С тревогой? С любовью? Он не мог подобрать слова. Просто смотрит. И ждёт.

Дождь лил всё сильнее, превращаясь из мороси в настоящий ливень. Куртка промокла насквозь и стала тяжёлой. Волосы прилипли ко лбу. Марк наконец отлепился от ограждения и медленно, еле переставляя ноги, пошёл домой. Ноги несли его сами, без участия сознания. Мысли путались, перепрыгивали с одного на другое, не складываясь в стройную картину. Шок от случившегося постепенно сменялся чем-то иным — чем-то сложным, многослойным, незнакомым. Похожим на растерянность пополам с любопытством. Так бывает, когда привычная, пусть и ужасная картина мира внезапно даёт трещину, и в эту трещину просачивается что-то новое.

Дома он первым делом стянул мокрую одежду, бросил её прямо на пол в прихожей — наплевать, — прошлёпал босиком по холодному ламинату в ванную. Горячая вода хлестнула по затёкшим плечам, возвращая телу чувствительность, смывая холод и грязь и, как ему хотелось верить, воспоминания о последних часах. Марк стоял под душем, закрыв глаза и уперевшись лбом в прохладный кафель, и снова, в сотый раз, прокручивал в голове момент падения. Удар в спину. Резкий, целенаправленный, неумолимый. Как будто кто-то очень, очень не хотел, чтобы он сделал этот шаг. Как будто кто-то боролся за него.

— Господи, бред какой, — пробормотал он в кафель, растирая лицо мокрыми ладонями. — Полный, абсолютный бред.

Но тепло в груди не проходило. Он чувствовал его даже сейчас, под почти обжигающими струями воды. Оно пульсировало ровно и спокойно, словно второе сердце, словно маленькая печка, которую кто-то зажёл внутри него и забыл выключить.

После душа Марк натянул старые, растянутые на коленях спортивные штаны и выцветшую футболку с логотипом какого-то давно забытого фестиваля, заварил ещё кофе — уже четвёртую кружку за этот бесконечно длинный день, — и сел к ноутбуку. Экран приветственно засветился, загружая рабочий стол. Машинально, по старой привычке, которая ещё не до конца атрофировалась, он открыл рабочий чат, который не проверял неделями. Пашин запрос так и висел непрочитанным, маяча жирным шрифтом. А ниже — ещё несколько сообщений от разных людей, о существовании которых он почти забыл. Кто-то интересовался старыми про-

ектами, спрашивал, не сохранились ли исходники. Кто-то предлагал небольшое, несложное сотрудничество. Марк читал эти строчки и с удивлением понимал, что раньше всё это вызывало у него только глухое раздражение, почти физическое отторжение — как у аллергика при виде апельсинов. Сейчас же, глядя на экран, он чувствовал... ничего особенного, если честно. Но уже без отторжения. Словно пелена, застилавшая глаза все эти восемь месяцев, на краткую секунду истончилась, стала прозрачнее. Словно кто-то протёр запylённое стекло.

Он свернул почту и открыл папку с личными файлами — ту самую, которую не открывал с зимы и к которой боялся прикасаться, как боялся прикасаться к старым фотографиям умерших родственников. Там, среди старых фотографий и черновиков, хранился архив его рисунков. Не коммерческих архитектурных визуализаций, а тех, что он делал для себя — тайком, по ночам, когда никто не видел. Пейзажи, портреты незнакомых людей, абстрактные композиции, в которых цвет и линия сплетались в непонятные, но завораживающие узоры. Последний файл в папке датировался прошлым декабрём. Больше девяти месяцев назад. Девять месяцев молчания. Девять месяцев, за которые карандаш ни разу не коснулся бумаги, а стилус — экрана планшета. Марк открыл файл, затаив дыхание, как открывают дверь в комнату, где когда-то был счастлив.

На экране, пиксель за пикселем, проявился рисунок — девушка на балконе, спиной к зрителю. Раннее утро, город только просыпается, небо над силуэтами далёких высоток окрашено в нежнейшие оттенки персикового и золотого. И эта девушка — в лёгком белом платье, с распущенными волосами, в которых запутался ветер, — стоит босиком на холодном бетоне и смотрит на рассвет, а за её спиной расправляются два огромных, величественных крыла. Полупрозрачных, сотканых из света и воздуха, пронизанных алыми прожилками зари и золотыми искрами восходящего солнца. Он рисовал это без референсов, без эскизов, наугад, повинаясь какому-то мощному внутреннему порыву, который накрыл его однажды ночью и не отпускал до самого рассвета. И получилось... живо. Слишком живо. Так, что даже сейчас, спустя девять месяцев, глядя на плоский экран ноутбука, он ощутил слабый, почти незаметный укол чего-то похожего на вдохновение. Или на тоску по вдохновению. Трудно было разобрать, где заканчивается одно и начинается другое.

Марк перевёл взгляд на собственное отражение в тёмном экране выключенного телевизора, висевшего на стене напротив. Усталое, осунувшееся лицо. Тёмные круги под глазами, залёгшие так глубоко, что, казалось, их не вытравить никаким сном. Мокрые после душа волосы, прилипшие к вискам. Лёгкая небритость. Обычный парень двадцати пяти лет, выгоревший дотла и чудом оставшийся в живых. Никаких крыльев за спиной. Никакого ангела-хранителя, парящего над плечом. Только он сам и его бесконечный, изматывающий внутренний монолог.

И всё же...

И всё же тепло в груди не уходило. Оно грело изнутри, мягко и ненавязчиво, как глоток хорошего выдержанного коньяка, только без спиртного тумана в голове. Марк прижал ладонь к солнечному сплетению и замер. Кожа была горячей — неестественно горячей, словно он приложил грелку. Словно под рёбрами поселился крохотный, но очень мощный источник света и тепла. Это пугало и одновременно странным образом успокаивало. Как будто кто-то дал ему понять: ты не один, я здесь, я всегда был здесь, просто ты не замечал.

— Кто ты? — спросил он в пустоту комнаты. Голос прозвучал хрипло, неуверенно, почти жалобно. — Что ты такое?

Разумеется, никто не ответил. Только дождь барабанил по подоконнику, убаюкивая и успокаивая, да холодильник гудел своё бесконечное монотонное «оммм». Но Марк готов был поклясться чем угодно, что на долю секунды — на одно крошечное, ускользающее мгновение — воздух в комнате сгустился, стал плотнее, теплее, словно в нём растворилось нечто невидимое. А потом всё вернулось в норму. Снова пустая комната, снова шум дождя, снова он сам наедине с собой.

Он усмехнулся, покачал головой. Нервы. Всему виной расшатанные нервы, переутомление и этот проклятый дождь за окном. Завтра же надо будет записаться к врачу, проверить сердце, сделать кардиограмму. Может, даже пройти полное обследование. Тепло в груди — симптом десятков болезней, от банальной межрёберной невралгии до серьёзных проблем с щитовидной железой. Нет никакой мистики, есть только физиология, которую он запустил до безобразия.

Но прежде чем лечь спать, Марк сделал то, чего не делал уже очень, очень давно. Он встал, подошёл к книжному стеллажу, на нижней полке которого пылились старые художественные принадлежности, и взял с полки скетчбук. Плотная чёрная обложка, чуть потёртая на углах, тяжёлая, приятная на ощупь бумага с лёгкой зернистостью. Он купил этот скетчбук два года назад в маленьком художественном магазинчике в центре, но так ни разу и не открыл. Всё ждал подходящего момента. В ящике стола, среди рассыпавшихся батареек и старых чеков, отыскался огрызок простого карандаша, заточенный, но покрывшийся пылью. Марк сел на широкий подоконник, поджав под себя ногу, положил скетчбук на колени.

Первые несколько минут он просто смотрел на чистый лист, и его охватило знакомое, леденящее чувство пустоты. Белая бумага смотрела на него, и он смотрел на белую бумагу. Старая история. Но потом, медленно и неуверенно, словно после долгой болезни, рука начала двигаться. Линии ложились кривовато, пропорции хромали, тени получались грязными — навыки атрофировались без практики. Но постепенно, штрих за штрихом, на листе начало проявляться изображение.

Он рисовал мост. Чугунное ограждение с его витиеватым узором. Тёмную, маслянистую воду внизу, подёрнутую рябью от дождя. И две фигуры: одну — на переднем плане, на узком бетонном выступе над водой — тонкую, ссутулившуюся, в мятой джинсовой куртке, с безвольно опущенными плечами. А за спиной этой первой фигуры, прямо за ней, вплотную — вторую. Выше, стройнее, светлее, хотя карандаш не мог передать свет. Но Марк старался, нажимая на грифель слабее, делая линии воздушными, прозрачными. У второй фигуры были крылья — огромные, расправленные во всю ширь, перекрывающие полнеба. Не те монументальные, мускулистые крылья с картинок в интернете, не орлиные крылья с прорисованным каждым пером. А иные — прозрачные, сотканые из воздуха и дыхания, из ветра и дождя, едва заметные, как дрожание горячего воздуха над асфальтом в летний зной. И руки этой второй фигуры — сильные, надёжные — упирались в спину первой, толкая её прочь от края. Назад. В жизнь.

Марк отложил карандаш, посмотрел на рисунок долгим, изучающим взглядом. Пальцы болели с непривычки, на подушечке среднего пальца даже образовалась маленькая вмятина от карандаша — забытое ощущение, которое когда-то было привычным. Он смотрел на изображение, и в груди что-то медленно, мучительно поворачивалось — словно заржавевший механизм,

который не трогали много лет. Потом, сам не зная зачем, повинувшись безотчётному порыву, он прошептал в тишину пустой комнаты:

— Спасибо.

Слово повисло в воздухе, и тишина после него стала какой-то другой — более глубокой, более наполненной. И тепло в груди на мгновение вспыхнуло ярче, сильнее, горячее, словно кто-то услышал. Словно кто-то улыбнулся в ответ.

В ту ночь Марк впервые за много месяцев уснул без снотворного — сам, естественно, как засыпают обычные люди. Он лёг в кровать, выключил свет и закрыл глаза, ожидая привычной бессонницы, привычного ворочанья с боку на бок до трёх часов ночи. Но сон пришёл быстро и мягко, словно кто-то накрыл его невидимым крылом. И впервые за долгое, бесконечно долгое время ему не снились кошмары. Не снились пустые, холодные пространства, из которых нет выхода, не снились лица людей, которых он подвёл, не снился голос, который монотонно перечислял все его неудачи и провалы. Только смутное, тёплое, убаюкивающее ощущение чьего-то присутствия где-то совсем рядом. Чьих-то крыльев, распростёртых над его кроватью, как шатёр, как защитный купол, сквозь который не может пробиться ничто злое. И дыхание. Ровное, спокойное, ритмичное, как морской прибой в безветренную погоду. Дыхание того, кто был рядом всегда — с самого первого вдоха, с самого первого крика при рождении, — но оставался невидимым, неслышимым, неосязаемым. До сегодняшнего дня.

Где-то на самой границе между сном и явью, в том зыбком, текучем пространстве, где образы ещё не стали сновидениями, а реальность уже начала растворяться, Марку показалось — или не показалось? — что он слышит голос. Тихий, мелодичный, лишённый источника и направления. Голос, который звучал повсюду и нигде, голос, сотканный из шёпота дождя и вздохов ветра, из шороха простыней и стука его собственного сердца. Всего одно слово, произнесённое с бесконечной нежностью, с безграничной заботой, с терпением того, кто ждал очень, очень долго:

— Живи.

И Марк, уже проваливаясь в глубокий, целительный сон без сновидений, улыбнулся — впервые за много месяцев, улыбнулся по-настоящему, искренне, уголками губ, сам того не осознавая. Где-то за окном продолжал идти дождь, шумели машины на мокром асфальте, город жил своей вечерней жизнью. А в тёмной спальне на четырнадцатом этаже спал человек, который ещё утром хотел умереть, а к ночи передумал. Спал и не знал, что с этого момента всё изменится. Что завтра будет новый день, и послезавтра будет новый день, и ещё много-много дней, которые ему предстоит прожить. И что где-то рядом, возможно — прямо сейчас, стоит у изголовья и смотрит на него с бесконечной любовью та, чьё имя он пока не знает. Та, кто всегда была рядом. Та, кто будет рядом до самого конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.